

УДК 343

*С.Б. Россинский**

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ (В СВЯЗИ С ВОЗМОЖНОСТЬЮ ОТХОДА ОТ ПОСТУЛАТОВ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ)

Настоящая статья посвящена вопросам развития теории уголовно-процессуального доказывания в контексте возможного отступления от существовавших ранее догматичных постулатов марксистско-ленинской философии. В этой связи с учетом современных достижений философии, психофизиологии и нейропсихологии автор пытается наметить новые пути развития информационной теории доказательств, а именно возможности исследования закономерностей формирования дознавателем, следователем, судьей мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное познание, доказательство, доказывание, информационная теория доказательств, собирание доказательств.

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного! Ведь процессуальное доказывание представляет собой не что иное, как специфическую разновидность познавательной деятельности. На протяжении всего периода развития доказательственного права учеными предлагались различные подходы к определению сущности уголовно-процессуальных доказательств и процесса доказывания по уголовному делу. В настоящее время доминирующие позиции в этом вопросе занимает возникшая в 60-х годах прошлого века на фоне развития кибернетических знаний так называемая информационная теория. Как известно, она предполагает рассмотрение доказательств по уголовному делу в качестве информационных сигналов, поступающих из объективной действительности в сознание субъекта доказывания и способствующих формированию там соответствующих познавательных образов [1, с. 83–86; 20, с. 215–217; 12, с. 72–73; 3, с. 136–137; 2, с. 10–15]. Иными словами, советские ученые-процессуалисты фактически приблизились к концепции о познании (доказывании) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, возможно, из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксистско-ленинской теорией познания.

Для справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов,

* © Россинский С.Б., 2014

Россинский Сергей Борисович (s.rossinskiy@gmail.com), кафедра уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, 123995, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

а, напротив, утверждал об их существовании [16, с. 34; 9, с. 34 и т. д.]. Упоминание образов встречается и в работах В.И. Ленина [11, с. 114]. Но вместе с тем советские философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае возникала реальная «опасность» перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. В частности, Н.К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его из творца действительности в некоего демиурга [4, с. 12].

Однако в настоящее более не существует никаких идеологических преград для возможности рассмотрения теории уголовно-процессуального доказывания вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Вместе с тем подобная ситуация вовсе не должна обуславливать полное отвержение концепции диалектического материализма в вопросах расследования и судебного разбирательства уголовных дел. На наш взгляд, диалектический материализм успел хорошо себя зарекомендовать в качестве всеобщего метода познания в теории уголовно-процессуального доказывания. Тем более что это философское учение наследует многие другие мировоззренческие идеи и направления, история которых насчитывает не одну сотню лет. Как отмечается в литературе, диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии [23, с. 35]. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее теоретического осмысления были приняты еще Платоном и Аристотелем [23, с. 13].

Представляется, что полное игнорирование диалектического материализма в вопросах теории уголовно-процессуального доказывания будет явно неконструктивным и также имеющим идеологическую окраску, но только с противоположным знаком. Мы полагаем, что современные подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве должны носить более умеренный, в некотором роде компромиссный характер.

В связи с изложенным мы не видим никаких причин для поиска принципиально иных, альтернативных концептуальных подходов к сущности уголовно-процессуального познания. Мы согласны с А.А. Давлетовым, считающим, что содержание уголовно-процессуального познания не может быть выяснено без привлечения диалектической теории познания. Она необходима в качестве методологической основы как для толкования правовых норм, регламентирующих познание по уголовному делу, так и для выявления иных, не урегулированных законом ее сторон и в итоге для получения системной и целостной картины уголовно-процессуального познания [7, с. 20]. Однако при этом существующий диалектико-материалистический подход не должен быть лишен возможности заимствования отдельных положений и взглядов из области других философских учений.

Методологически отталкиваясь от информационной теории доказательств, в настоящее время наибольшие усилия в этом сегменте уголовно-процессуальной науки следует направить именно на рассмотрение и исследование вопросов, связанных с познанием дознавателем, следователем или судом обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, то есть на том, чего так не хватало советской процессуальной науке. Это позволит по-новому взглянуть на достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Итак, одним из базовых положений для информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме. В кибернетике

под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, то есть как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта [например, 18, с. 25–27; 10, с. 67–69]. Таким образом, содержанием сигнала является сама информация, а его формой – способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т. д.). Дознаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения процессуальных действий, различным образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы.

В этой связи следует согласиться с представителями информационной теории доказательств в уголовном процессе, предполагающей субъективные механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу [20, с. 216; 2, с. 13.]. Но вместе с тем нам представляется не совсем аргументированным тезис о том, что психическое отражение имеет материальный характер, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяют два основных этапа познания: чувственное и рациональное [21, с. 558]. Причем современные научные исследования свидетельствуют о неравномерном соотношении чувственного и рационального познания у различных типов личностей. Так, известный отечественный психофизиолог Н.Н. Данилова выделяет художественный, мыслительный и средний типы личности. Художественный тип характеризуется преобладанием первой сигнальной системы и восприятием действительности цельными чувственными образами без их разделения на части. У мыслительного типа, наоборот, усилена работа второй сигнальной системы, резко выражена способность отвлечения от реальности, основанная на стремлении анализа, разложения действительного на части с последующим соединением этих частей в целое. Для среднего типа свойственна уравновешенность функций обоих сигнальных систем этом [8, с. 272]. При этом она отмечает, что большинство людей принадлежат к среднему типу. Ссылаясь на знаменитого русского физиолога И.П. Павлова, она пишет, что ярко выраженные «художники» и «мыслители» – это люди с психическими отклонениями, «поставщики нервных и психиатрических клиник» [8, с. 273].

Принимая во внимание существующие в государстве механизмы проверки и оценки профессиональной пригодности судей, дознавателей, следователей, полагаем, что гипотетически все эти лица являются психически нормальными, относящимися к среднему типу. Вместе с тем у каждого из них соотношение «мыслителя» и «художника» осуществляется в разных пропорциях. Каждый субъект познания обусловлен сугубо индивидуальными особенностями отражения объективной действительности.

Чувственное познание человеком окружающего мира имеет первичный характер. Оно связано с деятельностью органов чувств, сенсорной системы¹ и мозга. В процессе чувственного познания возникают ощущения, восприятия, представления.

Ощущение является простейшим и исходным элементом как чувственного познания, так и всего человеческого сознания [21, с. 560]. Этот элемент чувственного познания выступает в роли одного из базисов по отношению к высшей психической функции человека. Ощущения формируются с помощью анализаторов, данных человеку от природы и состоящих из рецептора (периферической части), нервного пути (неврона), проводящего полученную информацию от рецептора в кору головного мозга, и нейросенсорной зоны, то есть области локализации ощущений [5, с. 18]. Важную роль в ощущениях играют сенсорные рецепторы, являющиеся составной

частью органов чувств. Посредством работы рецепторов поступающие сведения преобразовываются в соответствующие нервные импульсы, то есть проходят процедуру кодирования [17, с. 48–49]. В зависимости от рецептора можно выделить зрительные, слуховые, обонятельные и другие ощущения.

Восприятие представляет собой более сложный психический процесс, связанный с преобразованием ощущений в мысленные образы. Этот элемент высшей психической функции человека, пожалуй, занимает, центральное место в механизме чувственного познания. Именно через восприятие поступающие посредством сенсорной системы материальные по своей природе нервные импульсы (коды) трансформируются в идеальные конструкции – перцепты².

С точки зрения принципов строения головного мозга, предполагающих его разделение на три основных блока, за восприятие отвечает второй блок, работа которого обеспечивает модально-специфические процессы, а также сложные интегративные формы переработки экстероцептивной информации, необходимой для осуществления высших психических функций [22, с. 70].

Психология XIX века представляли восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Однако сегодняшняя наука подходит к этому процессу с совершенно иных позиций. По данному поводу выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными [13, с. 232].

В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула, – пишет В.П. Зинченко, – то в процессе восприятия создается и используется модель предмета [6, с. 40]. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически [6, с. 40], высказав соответствующие предположения [14, с. 431, 434].

Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия перцептами. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия. В этой связи известный английский философ XX века К.Р. Поппер писал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнять к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки, благодаря тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки [19, с. 69].

Несмотря на всю важность восприятия, этот процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь перцепты, выполняющие, хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы – это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения [15, с. 47]. Поэтому существует еще более сложная (высшая) форма чувственного познания – представление (гнозис), – то есть способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может расцениваться как имеющий материальный характер. И следовательно, его результаты – мысленные образы – нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Скорее уместно предположение об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности.

В зависимости от модальности, то есть от используемых рецепторов, выделяют различные виды гнозиса: зрительный, слуховой, обонятельный, тактильный и другие. При этом для современного человека наибольшую актуальность имеют зрительный гнозис и слуховой гнозис [5, с. 20]. На основании многолетних исследований в области психофизиологии и нейропсихологии ученые пришли к выводу о существовании серьезных различий в механизмах зрительного и слухового гнозиса. Эти особенности обусловлены структурной и функциональной организацией коры головного мозга. А.Р. Лурия в своих работах отмечал следующее: «В коре головного мозга человека выделяются проекционная общечувствительная (теменная), зрительная (затылочная) и слуховая (височная) области» [13, с. 29]. Следовательно, зрительное восприятие зависит от одной части мозга, а слуховое – от другой.

Применительно к уголовному судопроизводству приоритет зрения и слуха над познавательными свойствами других органов чувств прекрасно прослеживается в существующей системе доказательств. Так, слуховой гнозис преимущественно обуславливает формирование различных видов показаний, а зрительный – вещественных доказательств, протоколов следственных действий, судебного заседания и иных документов. Хотя при этом мы полагаем, что подобная обусловленность не является исключительной, поскольку, например, показания могут быть даны посредством собственноручного изложения допрашиваемым соответствующих обстоятельств. А при формировании протоколов следственных действий могут быть задействованы не только зрение, но и иные органы чувств. Например, при осмотре места происшествия по делу о пожаре в протоколе вполне допустимо указать об ощущении резкого запаха.

Различия зрительного и слухового гнозиса также обусловлены еще одним важным фактором. Как известно, все объекты процессуального познания можно подразделить на два вида: материальные, предполагающие отражение информации в элементах вещной обстановки, и идеальные, связанные с отражением информации в сознании человека. Особенности познания каждого из них очевидны.

Взаимодействуя с материальным объектом, сенсорная система познающего чувствует и воспринимает его реальный образ. В психологии по этому поводу даже существует специальный термин – «наглядно-образное мышление» [5, с. 32]. Поэтому основная роль в данном случае, несомненно, принадлежит зрительному гнозису. Как отмечается, зрительная система вообще наиболее информативна и дает мозгу более 90 % сенсорной информации [17, с. 57], однако в части наглядно-образного

мышления ее роль намного выше. Безусловно, человек способен к чувственному познанию материальных объектов посредством иных гнозисов, в частности слухового. В обыденной жизни подобных примеров не так уж и мало: бессознательный крик младенца, звук ружейного выстрела, шум летящего самолета и т. д. Однако на фоне зрительной информации их доля несоизмерима мала. Если же посмотреть на рассматриваемую ситуацию в контексте уголовного судопроизводства, то становится очевидным — зрительный гнозис дознавателя, следователя и особенно судьи является практически единственным способом получения сведений от материальных объектов познания. Например, в ходе осмотра места происшествия дознаватель или следователь зрительно воспринимают само место, находящиеся там предметы, их внешние признаки, свойства, состояние и взаиморасположение. Обыск или выемка направлены на зрительное познание факта нахождения предметов, документов или ценностей в определенном месте или у определенного лица. Судебный осмотр вещественного доказательства связан с его визуальным восприятием судьей (присяжными заседателями). А редкие случаи использования иных органов чувств (например, в вышеописанном случае осмотра места пожара, где присутствовал резкий запах, или следственного эксперимента, направленного на установление возможности услышать звук выстрела на определенном расстоянии), — это те самые исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов.

Для подробного рассмотрения этого гносеологического феномена прежде всего необходимо учесть то обстоятельство, что субъекты познания в данном случае взаимодействуют не с фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а с информацией, извлекаемой или уже извлеченной из сознания других лиц. В уголовном процессе таковыми являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, специалисты, а также иные люди, не имеющие процессуального статуса, но сообщившие дознавателю, следователю или суду значимые для уголовного дела сведения, например, автор приобщенного к материалам уголовного дела документа и т. д. В части судебного производства в качестве подобных «поставщиков сведений» можно рассматривать дознавателя и следователя — субъектов, представивших информацию о результатах досудебного производства в виде соответствующих протоколов следственных действий.

Каждый из этих лиц ранее также выступает субъектом познания, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (с предметом познания). Например, свидетель зрительно воспринимает картину совершения преступления или внешность преступника. Эксперт воспринимает объекты экспертного исследования. Аналогичная ситуация просматривается и в случае использования в уголовном деле письменных документов. В частности, если это выписка из банка о состоянии расчетного счета, то ее автор — сотрудник банка — ранее должен был лично воспринять соответствующую информацию из базы данных.

Следовательно, сознание каждого такого человека предварительно подвергается воздействию тех же самых психических процессов, которые нами были рассмотрены применительно к субъектам познания; любому из них присущ соответствующий гнозис. Созданные посредством восприятия и представления знания об окружающей или окружавшей этих лиц реальности уже изначально нельзя считать имеющими объективный характер. Как и в случае с субъектами познания, здесь можно говорить лишь об относительной адекватности формируемого перцепта и соответствующих мысленных образов. И именно поэтому выше по тексту мы писали о таких объектах как обладающих первичным субъективизмом.

Поэтому при взаимодействии дознавателя, следователя или судьи с идеальными объектами познания их собственный перцепт приобретает явно производный характер. В данном случае образуется как бы «перцепт в квадрате». Основанные на нем мысленные образы обладают уже вторичным субъективизмом, бесспорно влияющим на их относительную адекватность.

В данной статье мы попытались рассмотреть и проанализировать лишь некоторые вопросы, связанные с развитием информационной теории доказательств в контексте отступления от догматичных постулатов марксистско-ленинской философии. Очевидно что все эти вопросы требуют дальнейшего исследования, результаты которого, возможно существенным образом повлияют на подходы к уголовно-процессуальному доказыванию в целом и отдельным видам доказательств в частности.

Примечания

¹ Под сенсорной системой в психофизиологии понимается часть нервной системы, которая воспринимает внешнюю информацию, передает ее в мозг и анализирует ее, например [17, с. 55].

² Перцепт – то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт – феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия. См., например, Электронная психологическая энциклопедия: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy.

Библиографический список

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964.
2. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Юристь, 1997.
4. Вахтомин Н.К. О роли категорий сущность и явление в познании. М.: АН СССР, 1963.
5. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. М.: В.Секачев, 2013.
6. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967.
7. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1997.
8. Данилова Н.Н. Психофизиология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2012.
9. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев–Одесса: Вища Школа, 1978.
10. Куликовский Л.Ф., Молотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. М.: Высшая школа, 1987.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1968.
12. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М.: Юрид. лит., 1973.
13. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие для студентов вузов. 6-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
14. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001.
15. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Пер. с англ. В.В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981.
16. Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М.: Знание, 1966.
17. Основы психофизиологии: учебник / отв. ред. Ю.И. Александров. М.: ИНФРА-М, 1998.
18. Полетаев И.А. Сигнал. М.: Советское радио, 1958.

19. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
20. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973.
21. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2005.
22. Хомская Е.Д. Нейропсихология: учебник для вузов. 4-е изд. СПб.: Питер, 2013.
23. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

References

1. Arseniev V.D. Questions of the general theory of forensic evidence. M., Iurid. lit., 1964 [in Russian]
2. Balakshin V.S. Evidences in the theory and practice of criminally-remedial proving. Ekaterinburg, ООО «Izd-vo UMTs UPI», 2004 [in Russian]
3. Belkin R.S. Course of criminology. Vol. 1. M., Iurist'', 1997 [in Russian]
4. Vakhomin N.K. About the role of categories of essence and phenomenon in cognition. M., AN SSSR, 1963 [in Russian]
5. Wesel T.G. Foundations of neuropsychology: textbook for university students. M., V.Sekachev, 2013 [in Russian]
6. Perception and action. A.V. Zaporozhets (ed.). M., Prosveshchenie, 1967 [in Russian]
7. Davletov A.A. Fundamentals of criminally-remedial knowledge. Ekaterinburg, Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 1997 [in Russian]
8. Danilova N.N. Psychophysiology: textbook for high schools. M., Aspekt Press, 2012 [in Russian]
9. Deineko N.I. Objective and subjective in the process of reflection (philosophical aspects). Kiev-Odessa, Vishcha Shkola, 1978 [in Russian]
10. Kulikovskiy L.F., Molotov V.V. Theoretical foundations of information processes. M., Vysshaia shkola, 1987 [in Russian]
11. Lenin V.I. Complete works in 55 Vols. Vol. 18. Materialism and empirical criticism. M., Politizdat, 1968 [in Russian]
12. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation. M., Iurid. lit., 1973 [in Russian]
13. Luria A.R. Fundamentals of neuropsychology: textbook for university students. 6th ed. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2008 [in Russian]
14. Maklakov A.G. General psychology. SPb., Piter, 2001 [in Russian]
15. Neisser U. Cognition and reality. Meaning and principles of cognitive psychology. Trans. from English by V.V. Luchkov. M., Progress, 1981 [in Russian]
16. Narsky I.S. Actual problems of Marxist-Leninist theory of knowledge. M., Znanie, 1966 [in Russian]
17. Fundamentals of physiology: textbook. Yu.I. Alexandrov (ed.). M., INFRA-M, 1998 [in Russian]
18. Poletaev I.A. Signal. M., Sovetskoe radio, 1958 [in Russian]
19. Popper K.R. Objective knowledge. An evolutionary approach. Trans. from English by D.G. Lakhuti. V.N. Sadovsky (ed.). M., Editorial URSS, 2002 [in Russian]
20. The theory of evidence in the Soviet criminal process. N.V. Zhogin (ed.). M., Iurid. lit., 1973 [in Russian]
21. Philosophy: textbook for universities. V.V. Mironov (ed.). M., Norma, 2005 [in Russian]
22. Khomskaya E.D. Neuropsychology: a textbook for higher schools. 4th ed. SPb., Piter, 2013 [in Russian]
23. Chudinov A.M. The nature of scientific truth. M., Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010 [in Russian]

*S.B. Rossinskiy**

**ABOUT PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION THEORY
OF CRIMINALLY-REMEDIAL EVIDENCE (DUE TO THE POSSIBILITY
OF DEPARTURE FROM THE POSTULATES
OF MARXIST-LENINIST PHILOSOPHY)**

This article focuses on the development of the theory of proof in the criminal procedure in the context of possible retreat from dogmatic postulates of Marxist-Leninist philosophy. In this regard taking into consideration of the recent achievements of philosophy, psychophysiology and neuropsychology, the author attempts to identify new ways of development of the information theory of proof, and to be more exact the possibilities of research of regularities in the formation of mental images by the interrogating officer, investigator, judge that reflect the circumstances established in the criminal case.

Key words: criminally remedial knowledge; evidence, proving, information theory of proofs; collection of evidence.

* *Rossinskiy Sergey Borisovich* (s.rossinskiy@gmail.com), Department of Criminal Procedure, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, 123995, Russian Federation.